

Предисловие

С некоторого времени социология вошла в моду; самое слово «социология» стало теперь употребляться очень часто, а еще десять лет назад оно было малоизвестно и почти осуждено наукой. Социология находит себе все новых и новых сторонников, и в публике слагается какое-то предвзято благосклонное отношение к этой новой науке, на которую возлагаются самые большие надежды. Нельзя, однако, не признать, что полученные до сих пор результаты не вполне оправдывают ни большого количества опубликованных по этому вопросу трудов, ни затраченного на них интереса читателей.

Прогрессивное развитие какой-либо отрасли науки выражается главным образом в том, что трактуемые ею вопросы не остаются в стационарном состоянии; лишь тогда говорят про данную науку, что она движется вперед, если ею устанавливается дотолде неизвестная закономерность явлений или по крайней мере открывается ряд новых факторов, которые, не позволяя делать окончательных выводов, способны изменить самую точку зрения на затрагиваемую проблему. К несчастью, в силу того, что социология в большинстве случаев не ставит себе точно определенных проблем, она не может тем самым служить таким примером. Она не прошла еще через периоды построений и синтезов. Вместо того чтобы поставить себе целью осветить своими лучами

определенную часть необъятного социального поля, социология в большинстве случаев ищет блестящих выводов, причем все вопросы только подвергаются общему обзору, но отнюдь не исследуются по-настоящему; такой метод легко ведет к злоупотреблениям, давая читающей публике так называемое «представление» о всякого рода вещах, но не приходя при этом ни к какому объективному результату. Законы бесконечно сложной действительности не могут быть открыты путем таких кратких обсуждений и мимолетных интуиций; особенно же бездоказательностью отличаются широкие и поспешные обобщения. Все, что можно сделать при таком понимании задач социологии, — это привести при случае несколько подтверждающих предлагаемую гипотезу примеров; но одни иллюстрации еще не могут служить доказательством чего бы то ни было; к тому же если затрагивается такая масса различных вопросов, то ни в одном из них нельзя быть компетентным. И приходится пользоваться чисто случайными сведениями, без всякого критического к ним отношения. Таким образом, книги по чистой социологии не могут быть полезны тому, кто поставил себе правилом иметь дело лишь с вопросами строго определенными, так как большинство из них не входит в рамки какой-либо особой отрасли исследования и, кроме того, чрезвычайно бедно сколько-нибудь авторитетными документальными данными.

Каждый человек, верующий в будущее социологии, должен всеми силами души стремиться к тому, чтобы положить конец такому положению вещей. Если социология будет и дальше пребывать в таком состоянии, то она быстро впадет в прежнюю немилость, к немалой радости всех врагов знания. Для человеческого разума было бы в высшей степени плачевно, если бы часть действительности, представляемая социологией, — един-

ственная, отказывающаяся ему до сих пор покориться, единственная, о которой ведутся еще горячие пререкания, — хотя бы только на время ускользнула из-под его власти. Неопределенность полученных до сих пор результатов отнюдь не должна нас обескураживать: это аргумент в пользу того, чтобы употребить новые усилия, а не в пользу того, чтобы отказаться от усилий. Наука, только еще вчера зародившаяся, имеет право ошибаться и идти ощупью, если только она сама сознает свои ошибки и колебания и тем самым предохраняет себя от возможности их повторения. Социология не должна отказываться ни от одной из своих высоких задач, но если она хочет оправдать возлагающиеся на нее надежды, то она должна стремиться к тому, чтобы стать чем-либо иным, а не только своеобразной разновидностью философской литературы.

Вместо того чтобы предаваться метафизическим размышлениям по поводу социальных явлений, социолог должен взять объектом своих изысканий ясно очерченные группы фактов, на которые можно было бы указать, что называется, пальцем, у которых можно было бы точно отметить начало и конец — и пусть он вступит на эту почву с полной решительностью. Пусть он старательно рассмотрит все вспомогательные дисциплины — историю, этнографию, статистику, без помощи которых социология совершенно бессильна. Если при таком методе работы можно чего-либо опасаться, так это только того, что при всей добросовестности социолога данные, добытые социологом, не будут исчерпывать изученного им материала, так как сам материал настолько богат и разнообразен, что хранит в себе неистощимую возможность самого неожиданного, самого нечаянного стечения обстоятельств. Но не надо, конечно, придавать этому преувеличенного значения. Раз социолог пойдет указанным нами путем, то даже в том случае, если

фактический инвентарь его будет не полон, а формулы слишком узки, работа его будет, бесспорно, полезна — и будущее поколение продолжит ее, потому что каждая концепция, имеющая какое-нибудь объективное основание, не связана неразрывно с личностью автора; в ней есть нечто безличное, благодаря чему она переходит к другим людям и воспринимается ими; она способна к передаче. Благодаря этому в научной работе создается возможность известной преемственности, а в этой непрерывности лежит залог прогресса.

Именно в этой надежде написана предлагаемая нами работа. И если среди различных вопросов, которые разбирались нами на всем протяжении нашего курса, мы выбрали темой настоящей книги самоубийство, то поступили мы так главным образом потому, что самоубийство принадлежит к числу явлений наиболее легко определяемых и может служить для нас исключительно удачным примером; но и тут для точного определения очертаний нашей темы нам понадобилось немало предварительной работы. Зато, сосредоточиваясь таким образом на одном каком-нибудь вопросе, нам удастся открывать законы, которые лучше всякой диалектической аргументации доказывают возможность существования социологии как науки. В дальнейшем изложении читатель познакомится с теми из этих законов, которые, как мы надеемся, нам удалось доказать. Без всякого сомнения, нам не раз случалось ошибаться, чрезмерно увлекаться в своей индукции и отдаляться от наблюдаемых фактов; во всяком случае, каждое из своих положений мы подкрепляли возможно большим количеством доказательств; особенное внимание мы обращали на то, чтобы как можно тщательнее отделить рассуждение по поводу данного положения и нашу субъективную интерпретацию его от самих рассматриваемых фактов. Таким образом, читатель может сам оценить, насколько основа-

тельно предлагаемые ему объяснения, имея под руками все данные для обоснованного суждения.

Поставив точные границы своим изысканиям, необходимо, кроме того, категорически воздержаться от изложения общих взглядов на изучаемый предмет и от так называемого краткого общего обозрения темы. Мы думаем, что достигнутые нами результаты, а именно установление известного количества положений относительно брака, вдовства, семьи, религиозной общины и т. д., дают нам возможность, разумеется при правомерном пользовании этим материалом, научиться гораздо большему, чем изучая заурядные теории моралистов о природе и качестве этих явлений и учреждений.

В нашей книге читатель найдет также несколько указаний на причины общего недуга, заразившего в настоящее время все европейское общество, и на те средства, которыми этот недуг может быть ослаблен. Никогда не надо думать, что общее положение вещей можно объяснить при помощи обобщений. Можно говорить об определенных причинах только после тщательного наблюдения и изучения не менее определенного внешнего их проявления. Самоубийства в том виде, в каком они сейчас наблюдаются, являются именно одной из тех форм, в которых передается наша коллективная болезнь, и они помогут нам добраться до ее сути.

Предлагаемый нами метод целиком зиждется на том основном принципе, что социальные явления должны изучаться как вещи, т. е. как внешние по отношению к индивиду реальности. Для нас это столь оспариваемое положение является основным. В конце концов, для того чтобы существование социологии было возможным, раньше всего нужно, чтобы у нее был специальный, только ей принадлежащий объект изучения, чтобы она поставила своей задачей изучение

реальности и не была зависима ни от какой другой отрасли знания. Но если нет ничего реального за пределами единичного сознания, то социология как таковая должна исчезнуть за неимением материала.

Единственный предмет, к которому тогда может применяться наблюдение, это состояние ума индивидов, ибо ничто иное не существует; но это — задача психологии. С этой точки зрения все, что есть существенного в браке, или в семье, или в религии, заключается в тех индивидуальных потребностях, которым предназначены служить эти институты, а именно: отцовская и сыновья любовь, половое влечение, то, что называется религиозным инстинктом, и т. д. Что же касается самих институтов с их исторически выработанными формами, столь сложными и разнообразными, то этой стороной дела можно пренебречь: она представляется малоинтересной. Будучи только внешним и случайным выражением общих свойств природы индивидуума, вышеназванные институты являются лишь одним из ее проявлений и не требуют специального исследования. Конечно, при случае любопытно заняться изучением того, какое внешнее выражение получали в различные исторические эпохи эти вечные человеческие чувства; но так как каждое такое внешнее выражение несовершенно, то им нельзя придавать слишком большого значения. В некотором отношении бывает даже полезно вовсе отбросить их, чтобы лучше проникнуть в глубь оригинального подлинника, в котором чувства эти черпают свой смысл и истинная природа которого искажается внешней передачей.

Таким образом, под предлогом того, чтобы дать науке более глубокую почву, основывая ее на психологическом строении индивида, ее отделяют от единственного свойственного ей предмета. Обыкновенно

венно в таких случаях не замечают того, что социологии не может быть там, где нет общества, а общества нет там, где есть только индивиды. К тому же эта концепция является одной из главных причин, поддерживающих в социологии вкус к неясным обобщениям. Вполне естественно, что если за конкретными формами социальной жизни не признается самостоятельного существования, то нет и желания заниматься их описанием.

Мы твердо надеемся, что, читая нашу книгу, каждый согласится с нами в том, что над индивидом стоит высшая духовная реальность, а именно коллектив. Когда станет очевидно, что у каждого народа существует свой особый процент самоубийства, что процент этот более постоянен, чем общая смертность, что если он вообще эволюционирует, то — следуя коэффициенту ускорения, свойственному каждому обществу, что все его колебания в различные моменты дня, месяца, года только воспроизводят ритм общей социальной жизни; когда убедятся, что брак, развод, семья, религиозная община, армия и т. д. влияют на него по точно определенным законам, из которых некоторые могут быть выражены даже цифрами; когда убедятся во всем этом, то откажутся видеть в этих состояниях и институтах какие-то идеологические установления, не имеющие ни силы, ни значения. Тогда почувствуют, что это — реальные, живые действующие силы, которые, определяя собою индивида, тем самым ясно доказывают, что они не зависят от него, по крайней мере тогда, когда он входит в качестве элемента в те комбинации, результатом которых они являются. По мере того как вышеназванные силы формируются, они налагают свою власть на индивида. Приняв это во внимание, легче понять, каким образом социология может и должна быть объективной, ведь она имеет перед собой столь же определенные

и столь же прочные реальности, как предмет изучения психолога или биолога*.

Нам остается выразить свою благодарность нашим бывшим ученикам г-ну Феррану, преподавателю Высшей первоначальной школы в Бордо, и г-ну Марселю Моссу, приват-доценту философии, за ту готовность помочь нам, которую они проявили, и за те незаменимые услуги, которые они нам оказали.

---

* Далее мы укажем, что эта точка зрения, далекая от того, чтобы исключать всякую свободу, является единственным средством примирения ее с детерминизмом, непосредственно вытекающим из данных статистики.

Введение

I

Так как самое слово «самоубийство» бесконечное число раз употребляется в нашей речи, то, казалось бы, можно рассчитывать, что точный смысл его понятен каждому и определение его с нашей стороны будет совершенно излишним. Но на самом деле слова нашей обыденной речи, как и выражаемые ими понятия, всегда и неизбежно двусмысленны, и тот ученый, который стал бы употреблять эти слова в их обыкновенном значении и не подвергая их никакой предварительной обработке, стал бы неминуемо жертвой серьезных недоразумений. Не только понимание слова так широко, что изменяется в различных случаях по мере надобности, но, кроме того, так как классификация ходячих понятий не имеет своим основанием методического анализа, а только передает смутные и неясные впечатления толпы, то можно беспрестанно наблюдать, как целые категории совершенно разнородных фактов непонятно почему собраны под одной рубрикой или как явления однородные называются разными именами. Итак, если полагаться на традиционное значение слов, то можно впасть в заблуждение, а именно придать различный смысл тому, что должно быть соединено вместе, и, наоборот, смешать то, что должно быть разделено, и, таким образом, не заметить действительного родства вещей и не понять их природы. Только путем сравнения можно подойти к объ-

яснению. Научное исследование не может достигнуть своей цели иначе как сравнением фактов, и у него тем более будет шансов на успех, чем увереннее оно будет, что собрало все явления, которые можно с пользой сравнить между собой. Но эти естественные средства индивидов не могут быть опознаны с достоверностью путем простого внешнего наблюдения, подобного тому, результатом которого является обыденная терминология; следовательно, ученый не может взять объектом своих изысканий вполне установленную группу фактов, которой точно отвечали бы слова разговорной речи; он сам должен установить группы, которые он хочет изучать, с тем чтобы придать им известную однородность и ту специфичность, вне которых немислима никакая научная работа. Подобным же образом ботаник, говоря о плодах или цветах, и зоолог, говорящий о рыбах и насекомых, употребляют различные термины в том значении, какое они должны были предвзительно установить.

Нашей первой задачей должно быть определение группы тех фактов, которые мы предлагаем изучать под именем самоубийства. Для этого мы должны рассмотреть, есть ли среди различных видов смерти такие, которые имеют общие характерные черты, достаточно объективные для того, чтобы быть признанными каждым добросовестным наблюдателем, достаточно специализированные для того, чтобы нигде уже более не встречаться, и в то же время достаточно близкие к тому, что обыкновенно называется самоубийством, для того чтобы, не насилуя обычной терминологии, мы могли сохранить это выражение.

Если таковые нам встретятся, то под этим наименованием мы соберем все без исключения факты, имеющие ясно выраженный характер, и не будем беспокоиться о том, что образованная таким образом

классификация не вмещает, быть может, всех называемых обыкновенно этим именем случаев или, наоборот, вмещает в себя и такие случаи, которые обыкновенно носят другое название. Важно не то, чтобы уметь выразить более или менее определенно то понятие, какое составил себе о самоубийстве средний интеллект; нужно установить целую категорию явлений, которые не только могут без всякого затруднения быть занесены в эту рубрику, но, кроме того, имеют объективное основание, т. е. соответствуют определенной природе вещей. Среди различных видов смерти есть имеющие в себе особую черту, заключающуюся в том, что смерть является делом самой жертвы, что страдающим лицом является сам действующий субъект; с другой стороны, можно с определенностью сказать, что общераспространенное мнение о самоубийстве именно этот момент считает для него характерным; внутренний мотив такого рода поступков с этой точки зрения не имеет определяющего значения. Хотя в общем самоубийство представляют себе как положительный и неизбежно насильственный поступок, который требует известной затраты мускульной силы, но вполне может случиться, что совершенно отрицательное состояние или простое воздержание породят тот же результат. Можно лишить себя жизни, отказываясь от принятия пищи, точно так же, как и посредством ножа или выстрела. Вовсе не нужно, чтобы покушение на самоубийство влекло за собой непосредственный смертельный исход, для того чтобы можно было смерть признать результатом данного действия; причинная связь может и не быть прямой, от этого нисколько не меняется самая природа явления. Иконоборец, жаждущий мученического венца, совершающий сознательное оскорбление величества, караемое смертной казнью, и умирающий от руки палача, является самоубийцей не в меньшей сте-

пени, чем тот, кто сам наносит себе смертельный удар; нет никакого основания для различной классификации этих двух разновидностей добровольной смерти, если вся разница между ними заключается только в материальных деталях исполнения. Таким образом, прежде всего мы получаем следующую формулу: самоубийством называется всякий смертный случай, являющийся непосредственным или посредственным результатом положительного или отрицательного акта, совершенного самой жертвой.

Но это определение недостаточно полно; оно не различает двух совершенно различных видов смерти. Нельзя относить к одному разряду и рассматривать с одинаковой точки зрения смерть человека, страдающего галлюцинациями, который выскакивает из окна верхнего этажа, думая, что оно находится в уровень с землей, и смерть психически здорового человека, убивающего себя вполне сознательно. Ведь, строго говоря, почти нельзя указать такого смертельного исхода, который не был бы близким или отдаленным последствием того или иного поступка самого пострадавшего лица. Правда, причины смерти чаще лежат вне нас, чем внутри нас, но они влияют на нас только тогда, когда мы сами вступаем в сферу их действия. Можно ли утверждать, что смерть только тогда может называться самоубийством, когда сама жертва, совершая поступок, знает, что он будет иметь смертельный исход? Что только тот действительно убивает себя, кто хочет этого, и что самоубийство есть намеренное убийство самого себя? Прежде всего это значило бы определить самоубийство при помощи такого признака, который, каковы бы ни были его интерес и важность, лишь с трудом поддается наблюдению, а следовательно, не легко может быть установлен. Как узнать, что именно заставило действующее лицо решиться на са-

моубийство; и, когда он решился, желал ли он именно смерти или преследовал другую какую-нибудь цель? Само намерение есть слишком интимное проявление воли и может быть рассматриваемо извне только самым грубым и приблизительным образом; оно ускользает даже от внутреннего наблюдения. Как часто мы ошибаемся относительно настоящих мотивов наших поступков! Как часто мы объясняем наши поступки благородными порывами, возвышенными соображениями, тогда как они вызваны мелкими чувствами и слепой силой рутины.

В общем, поступок не может определяться целью, преследуемой действующим лицом, потому что однородные движения могут относиться к самым различным целям. Если допустить, что самоубийство имеет место только в том случае, когда у человека было определенное намерение убить себя, — под наше определение самоубийства не подошли бы многие факты, в существе своем, несмотря на кажущуюся разнородность, вполне идентичные с теми, которым это название дается решительно всеми и которых нельзя называть иначе, так как это значило бы отнять у этого термина всякое определенное употребление. Солдат, идущий навстречу верной смерти, для того чтобы спасти свой полк, не хочет умереть, а разве в то же самое время он не является виновником своей смерти в том же значении этого слова, в каком оно применимо к промышленнику или коммерсанту, убивающему себя, для того чтобы избежать стыда и позора банкротства. То же самое можно сказать о мученике, умирающем за веру, о матери, приносящей себя в жертву своему ребенку, и т. д. Принимается ли смерть только как печальное, но неизбежное условие той цели, к которой субъект стремится, или же он ищет ее ради нее самой — в обоих случаях он отказывается от су-